

На правах рукописи

ЛУПАНОВА ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВНА

**ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
1696–1802 ГГ.:
ТЕХНОЛОГИИ, ПРАКТИКИ, ДИСКУРС**

Специальность: 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук

Санкт-Петербург

2023

Работа выполнена в отделе «Музей М.В. Ломоносова» федерального государственного бюджетного учреждения науки «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук».

Официальные оппоненты:

Иванов Ананий Герасимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедры отечественной истории, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола

Морозан Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории народов стран Содружества независимых государств, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», г. Мурманск

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва

Защита состоится «18» мая 2023 года в 14 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 72.2.005.03 на базе государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина» по адресу: г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д.10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»: <https://lengu.ru/dissertation/89>

Автореферат разослан «_____» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.Н. Крылова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В течение XVIII в. были заложены основы государственной системы охраны лесов в России, предприняты попытки рационализации хозяйства при помощи административных и силовых рычагов, просветительской деятельности, перераспределения прав собственности, распространения или, напротив, ограничения, передовых технологий. Ряд вопросов, не теряющих актуальности и в современном мире, впервые был поднят на протяжении этого столетия; и тогда же был апробирован практически весь спектр возможных решений.

История становления отечественного лесного хозяйства в период с 1696 по 1802 г. представляет собой процесс перехода от традиционного природопользования к приоритету модернизированного рационального начала, основанного на накоплении и использовании точного знания, учете, подсчете, разделении обязанностей и работе специалистов. Изменение отношения к природным ресурсам соответствовало появлению нового комплекса идей, развитие которых привело к формированию сохраняющейся до сих пор системы культурных ценностей.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется, в первую очередь, состоянием современной историографии, в которой проблемы взаимоотношения вопросы истории природопользования привлекают пристальное внимание исследователей всего мира. Обращение к опыту прошлого, использовавшееся в XVIII в. в качестве ориентира для принятия политических решений, в XIX столетии трансформировалось в изучение истории политики государственного регулирования; затем, в советское время, основной приоритет отдавался социально-экономическим процессам; во второй половине XX в. прошлое стало осмысляться с позиций теории модернизации и опыта, появившегося в рамках историко-экологических и региональных исследований. Наконец, к настоящему времени сформировались условия для создания комплексного исследования, в котором последовательно представлено не только развитие правового поля, культурного дискурса, технологий ведения хозяйства и лесопользования; но также их взаимосвязи и взаимовлияние.

Особенно актуальным является изучение XVIII в., так как этот период относительно мало изучен, но является важным как время активного включения России в общемировые модернизационные процессы и периодом становления современного лесного хозяйства.

Степень изученности проблемы. История отечественного и зарубежного лесного хозяйства не раз привлекала к себе внимание специалистов. Наиболее многочисленные работы написаны в рамках государственной (юридической) школы, сложившейся в XIX в. Принято считать, что фокус на развитии государства и законов как основных исторических процессах сменился советскими приоритетами исследования социально-экономических процессов. На самом деле многие исторические работы и советского, и (особенно) постсоветского времени написаны в русле традиций, заложенных Б.Н. Чичериным и А.Д. Градовским. В частности, это касается вопросов истории

лесного хозяйства. Развитие законодательства и системы государственных учреждений имеет чрезвычайно обширную историографию, берущую начало в XIX в.¹ Современное продолжение традиций историко-юридических исследований не лишено творческого переосмысления, ведущего к интересным выводам и открытию новых перспектив развития. Особо следует отметить региональный подход. Сужение географических рамок позволяет сфокусироваться на местных явлениях и процессах²

В советский период велись плодотворные работы по изучению социально-экономических процессов, был введен в научный оборот ряд имеющих историческое значение рукописей и редких публикаций по лесному хозяйству. Особое внимание уделялось различным технологическим аспектам³, а также сбору и анализу статистических данных (предметами исследований становился процесс обезлесения, масштабы и результативность лесовосстановительных работ). Внимание историков к становлению современной ботаники и географии⁴ также способствовало развитию специальных исследований, связанных с историей отечественного лесного хозяйства.

Расцвет советской историографии, связанной с вопросами лесных карт, описаний, статистики и технологий довольно четко связывается с

¹ Рудзкий А.Ф. Краткий очерк истории лесоустройства. СПб., 1889; Орлов М.М. Обзор лесоустроительных инструкций в связи с историей лесоустройства. СПб., 1904 и др.

² Кузнецов А.Ф. Леса Урала: 300 лет на службе отечеству // Лесной журнал. 1996. №4–5. С.193–197; Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2003. С. 166–193; Тяпкин М.О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; Иванова Ж.Б. Правовая охрана лесов Севера России: досоветский период. Владимир, 2004; Юткин В.П. Лесное хозяйство алатырского удельного округа во второй половине XIX – начале XX в. дисс... к.и.н. Саранск, 2007; Ипатов И.Ф. Орловская корабельная роща. Научно-популярный очерк. Архангельск, 2009; Курышова И.В. Охрана природы в Байкальском регионе в конце XIX – начале XX вв.: проблемы организации и основные направления деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012; Пашков К.И. Охрана природы в Байкальском регионе: проблемы организации и основные направления деятельности (1917–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012; Саета В.А. Очерки истории становления лесного хозяйства на Алтае в XVIII – первой половине XX в. Барнаул, 2012; Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А. Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. №1. С. 165–169; Степанова Л.Г. Природна среда Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии по сведениям камеральных экономических примечаний к Генеральному межеванию Российской Империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №64. С.65–71; Stepanova L. Natural environment of Valdai on the materials of General land survey // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is.2. P.345–355.

³ Любомиров П.Г. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и начале XIX вв. // Исторические записки. М., 1941. С.222–249; Цейтлин М. А. Лесная промышленность в России и СССР. Л., 1940.

⁴ Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946; Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950; Кусов В.С. Чертеж досматривания лесов 1700 года // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 1976. №1. С.115–120.

актуализацией проблемы в связи с послевоенным сталинским планом лесопосадок. С 1953 г. процесс развивался по инерции и затем интерес заметно снизился. На постсоветском пространстве он возродился отчасти в силу стремления попасть в mainstream развития западной науки. В США интерес к аналогичным проблемам возник примерно на 30 лет позже, а поворот в политике, сравнимый с 1953 г. в СССР, произошел в 1981 г. – президент Р. Рейган исключил проблемы защиты окружающей среды из приоритетных целей существования государства. Однако на Западе это решение не повлияло на темы исторических и междисциплинарных исследований.

В российской и зарубежной историографии второй половины XX в. интерес специалистов обратился к лесному кадастру, процессам государственного описания, размежевания и постановки на учет лесных угодий. Эта активность стала рассматриваться как способ установления государственного контроля в новой, прежде неподвластной монархам, сфере.

Многочисленные исследования американских и европейских специалистов посвящены различным аспектам взаимоотношений человека и окружающей среды. Накоплен опыт изучения экономического и социального аспекта естественнонаучного знания, истории наук о жизни, прошлого экосистем и перспектив их дальнейшего существования, истории природопользования и движения за сохранение природных богатств. Ряд авторов рассматривает лес в качестве субъекта, причем ему придается сопоставимое с человеком значение⁵.

В качестве наиболее дискуссионных вопросов следует выделить:

- датировку начального этапа становления лесного хозяйства, ориентированного на рациональное использование ресурса (одни исследователи склонны видеть его признаки в инстинктивном поведении человека и в глубоких дописьменных временах⁶, другие считают, что это произошло не ранее XIX в.⁷; существует также ряд различных промежуточных точек зрения⁸);

⁵ Anniversary Forum: What's Next for Environmental History? // *Environmental History*. 2005. №10. P. 30–109; McNeill J.R. Observations on the Nature and Culture of Environmental History // *History and Theory*. Theme Issue. 2003. Vol. 42. P. 5–43.

⁶ Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. М., 2012; Hobhouse H. *Seeds of Wealth. Four Plants that Made Men Rich*. London, 2003; Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. М., 2016. С.26.

⁷ *Resources under Regimes. Technology, Environment and State*. Harvard; Cambridge; London, 2004. P. 30–32; Brian S. *Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburg, 2011.

⁸ Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1991; Данилова Л. В. Традиционный опыт природопользования и современность // *Традиционный опыт природопользования в России*. М., 1998. С. 4–17; Никитин Н.И. Традиционная практика природопользования и экологические аспекты народной культуры // Там же. С. 335–355; Warde P. *Ecology, Economy and State Formation in Early Modern Germany*. Cambridge, 2006; Murkerji Ch. *The Great Forestry Survey of 1669–1671. The Use of Archives for Political Reform* // *Social Studies of Science*. 2007. Vol. 37. №2. P. 227–253.

- оценку традиционного лесопользования и роли мер государственного регулирования (ранняя датировка стремления к рациональному лесопользованию связана с представлением о древности лесного хозяйства, его постепенной эволюции, сторонники такого подхода говорят также о том, что государственная охрана лесов часто имела негативные результаты⁹; противоположный взгляд предполагает отсутствие заботы о сохранении ресурсов в традиционном природопользовании и положительную роль государственного регулирования¹⁰);

- причины обезлесения (большинство историков считают решающим демографический фактор¹¹; наряду с этим высказывается мысль о том, что главной причиной сокращения лесных площадей стал рост потребления и распространения товарно-денежных отношений¹²);

- оценку роли Екатерины II в развитии лесного хозяйства (от положительной характеристики¹³ до резко негативных высказываний о деструктивном характере ее преобразований в области охраны лесов¹⁴).

Многие современные специалисты по отечественной истории работают в рамках концепции модернизации. При этом одни авторы уделяют основное внимание государственной политике (как правило, они пишут о насильственном характере модернизации, описывают ее как навязанные сверху чуждые обществу и плохо прижившиеся институты, технологии, взаимоотношения; социальная природа модернизации в таких исследованиях либо характеризуется как неприсущая российским реалиям, либо произвольно уходит на второй план¹⁵, другие рассматривают технический

⁹ Appuhn K. *Inventing Nature: Forests, Forestry and State Power in Renaissance Venice* // *Journal of Modern History*. 2000. Vol. 72. №4. P. 861–889.

¹⁰ Булгаков М.Б., Ябулганов А.А. *Российское природоохранное законодательство XI – начала XX вв.* М., 1997; *Двухсотлетие учреждения Лесного департамента 1798–1998.* Т. 1–2. М., 1998.

¹¹ Цветков М.А. *Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год.* М., 1957; Moon D. *Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontier 1550–1897* // *Historical Journal*. 1997. №4 (40). P.859–893.

¹² Williams M. *Deforesting the Earth. From Prehistory to Global Crisis.* Chicago, London, 2003.

¹³ Шелгунов Н.В. *История русского лесного законодательства.* СПб., 1857; Гребенщикова Г.А. *Проблема сохранности корабельного леса в XVIII веке* // *Вопросы истории.* 2007. №12. С. 36–141.

¹⁴ Врангель В.В. *История лесного законодательства Российской Империи.* СПб., 1841; Цейтлин М.А. *Лесная промышленность в России и СССР.* Л., 1940.

¹⁵ Сапоговская Л.В. *Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в.* // *Уральский исторический вестник.* №5–6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С.238–239; Муравьева Л.А. *Российское промышленное предпринимательство в первой четверти XVIII века* // *Финансы и кредит.* 2007. №29 (269). С. 66–74; Захаров В.Ю. *Конституционализм как вариант модернизации русского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX в.* // *Российская история.* 2011. №6. С.31–51; Тарасов О.А., Васильева С.А. *Исторический опыт модернизации пенитенциарной системы России в XIX веке (на примере Рязанской губернии)* // *Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков. Специфика регионального развития.* Казань, 2012; С.69–80; Феофанов К.А. *Цивилизационные проблемы и перспективы российской модернизации* // *Социально-гуманитарные знания.* 2012. №1. С.8–9; Гайда Ф.А.

прогресс¹⁶; третьи детально изучают социально-экономические процессы¹⁷. На протяжении многих лет остается дискуссионным вопрос о характере российской модернизации XVIII столетия (была ли она реальной, или в большей степени идеей и недостижимым идеалом; заранее спланированной и осознанной или в спонтанной, движимой преимущественно сиюминутными потребностями¹⁸; скачкообразным¹⁹ или постоянным и постепенным²⁰ процессом; обсуждается также глубина или поверхностность политических, экономических и культурных изменений²¹).

До сих пор не существует исследования раннего периода русского лесного хозяйства в контексте модернизационного процесса. Белым пятном остаются законопроекты и правоприменительная практика, хотя законодательной базе уделялось большое внимание. Влияние правительственной политики на трансформацию практики природопользования. Развитие дискурса текстов

Проблема модернизации России в политической программе и деятельности П. А. Столыпина // От Древней Руси к Российской Федерации...; Долгий XVIII век. С.323–447.

¹⁶ Высоков М.С. Российская Империя на путях модернизации: зарождение и развитие электросвязи в XIX – начале XX вв.: Автореф. дис... д-ра истор. наук. СПб., 2004; Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XVIII – начале XX века (основные этапы) // Отечественная история. 2004. №2. С. 20–37; Семенов А.К. Городское самоуправление провинциальных городов России и задачи имперской модернизации в конце XVIII — начале XX вв. Липецк, 2004; Бородкин Л.И. Модернизационные аспекты... С.321–337.

¹⁷ Козлов С.А. Традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. №5. С.3–20; Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Травин Д.Я., Маргания О. Европейская модернизация. Т. 1–2. М., 2004; Давыдов В.П., Гребениченко С.Ф. Какая там еще модернизация? // Социально-гуманитарные знания. 2010. №2. С.3–25; Петров Ю.А. Государство и экономическая модернизация России (XVIII – начало XX века) // От Древней Руси к Российской Федерации... С.107–122; Салихов Р.Р. Роль социальной активности татарского предпринимательства в условиях буржуазных преобразований XIX – начала XX в. // Исторический опыт российских модернизаций... С.49–68; Сидоров Д.В. Способы и направления модернизации сословного дворянского капитала в российской провинции в 60–70 гг. XIX в. (на материалах Костромской губернии) // Там же. С.81–88; Миронов Б. Н. Российская Империя: от традиции к модерну. Т. 1–3.

¹⁸ Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 53–54. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.

¹⁹ Янов А.Л. Одиссея русской автократии // Перспектива. 1991. №2. С. 78; Милецкий В.П. Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства. СПб., 1997 С.21.

²⁰ Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I...; Самохин К.В. Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века // Современные исследования социальных проблем. 2012. №9(17). С.149–155.

²¹ Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. №2. С.29–36.

также заслуживает специального изучения. Узкая, казалось бы, сфера государственного регулирования открывает перспективы для формирования нового аргументированного взгляда на такие аспекты российской истории, как процессы обновления власти, экономики, общества и культуры.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является комплексное изучение процесса становления лесного хозяйства и его развития в контексте российской модернизации XVIII в. Составными частями этой цели являются:

- развитие технологий и практик,
- политический дискурс,
- культурный дискурс.

Развитие технологий и потребностей в древесине определяло практику природопользования. Изменения практики влекли за собой становление и трансформацию дискурса рационализации, любви к природе, борьбы против злоупотреблений, представавших то в виде грандиозных государственных заготовок, то в виде веками сложившихся традиций.

Для реализации поставленной цели поставлены задачи детального изучения:

- технологий заготовления и транспортировки лесоматериалов; посадки и ухода за деревьями;
- законодательной базы;
- законопроектов;
- научной и публицистической литературы, в которой обсуждались соответствующие вопросы;
- практики реализации идей, заложенных в законодательстве и просветительской литературе
 - как государственной политики,
 - как части помещичьего хозяйства;
- региональных особенностей изучаемых явлений и процессов;
- точек модернизационного роста²²;
- субъекта (субъектов) становления лесного хозяйства как части модернизационного процесса.

Последние две из названных задач напрямую вытекают из модернизационного контекста, который накладывает на исследование определенные обязательства. В историографии не раз отмечалась неравномерность модернизации, его концентрация в одних местах и едва заметное влияние в других; роль субъектов модернизации в формировании точек роста²³.

²² Подразумевается географическая локализация точек роста, обусловленная природно-географическими или экономическими факторами; деятельностью политиков, администраторов, местных общин, или комплексом причин наиболее быстрого и успешного развития региона по сравнению с другими в данный отрезок времени.

²³ Зубков К.И., Алексеев В.В., Побережников И.В. Региональная динамика модернизации // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С.117–119; Ракитянский Н. М. Модернизация России и политическая элита // Власть. 2002. №1. С. 18.

Из вопроса о субъекте логически вытекают следующие: об инициаторе изменения существующего порядка и о наиболее заинтересованных в установлении новых правил социальных и политических факторах. Ответы на эти вопросы во многом определяются государственной политикой и взглядами тех, кто ее определяет и проводит; в частности, по вопросу о правах собственности на занятые лесами территории. Логика установления монополии предполагает, что государство – это единственный надежный гарант сохранения ресурсов; только оно может правильно расставить приоритеты, организовать рациональное использование и сохранение в долгосрочной перспективе. Логика предоставления прав землевладельцам, напротив, предполагает заинтересованность в сохранении ресурсов непосредственных пользователей и собственников, так как они заботятся о сохранении богатств не ради абстрактного благополучного будущего всего человечества, общего блага, успеха имперского проекта, а исходя из своих собственных интересов (будь то символический или денежный капитал, человек заинтересован в его сохранении при жизни и в передаче потомкам). Учет местной специфики и заинтересованность частных собственников должны стать наиболее надежным гарантом сохранения природных богатств в стране.

Объект исследования. Объектом исследования является российская институционализация лесопользования, становление лесного хозяйства в период с 1696 по 1802 г. Данный процесс включал в себя развитие технологий, практики, политического и культурного дискурса.

Предмет исследования. Предметом исследования является модернизация природопользования в России с 1696 по 1802 г.

Научная новизна исследования. Поставленные исследовательские цели и задачи являются первой попыткой комплексного изучения заявленной темы.

Впервые на отечественном материале изучен ранний период становления лесного хозяйства в контексте модернизационного процесса 1696–1802 гг. Изучение истории лесопользования и государственного регулирования позволяют по-новому взглянуть на развитие технологий, социальной, экономической, экологической и культурной истории России.

В исследовании показаны конфликты интересов различных заинтересованных социальных групп, роль становления научного знания, распространения образования, формирования профессиональных групп.

Проанализированные материалы позволяют сделать аргументированные выводы о содержании, масштабах и механизмах российской модернизации XVIII в., предметно доказать непрерывность и комплексность процесса. Вопреки распространенному мнению о пульсирующем характере российской модернизации и вовлеченности преимущественно привилегированных социальных групп, последовательно показано, как запущенные в первой четверти XVIII в. процессы продолжали интенсивно развиваться в последующие десятилетия. Дискурс рационального использования природных ресурсов активно распространялся и использовался и как в обращениях представителей различных социальных групп к власти, так и в официальных распоряжениях, посредством которых правительство обращалось к населению

страны. На протяжении всего периода 1696–1802 гг. не выделяется выраженных периодов сворачивания или приостановки модернизационного процесса ни в плане технологий (возвращение к использованию старых), ни в плане упразднения охраны лесов и предоставления полной свободы рубок, ни в плане радикального изменения культурного или политического дискурса.

Результаты исследования базируются на широком круге исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот – это документы и рукописные материалы, хранящиеся в сорока различных фондах десяти российских архивов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Использованное при написании диссертации сочетание теории модернизации с политической и технологической историей, а также с тщательным анализом опубликованных и архивных источников (в том числе с использованием метода, дискурс-анализа), является существенным вкладом в развитие теории исторического исследования. Дальнейшее применение такого комплексного подхода является перспективным для изучения других аспектов как частных, так и глобальных исторических процессов.

Полученные результаты диссертации могут быть использованы в сравнительно-исторических исследованиях; при написании обобщающих трудов и учебных пособий по технологической, культурной, социально-экономической истории; при разработке общих и специальных курсов по отечественной истории XVIII в.

В диссертационном исследовании намечены перспективные направления дальнейшей научной работы – развитие региональных и микроисторических исследований природопользовательских практик, раскрытие сути предоставления прав и обязанностей собственникам как средства экономии казны и повышения эффективности выполнения сформулированных высшими государственными чиновниками задач, изучение роли государственной службы в процессе распространения оброка, взаимовыгодного сотрудничества помещиков и крестьянских общин в деле отстаивания общих интересов от посягательств соседей, коммерсантов и государственного контроля.

Методология и методы исследования. Диссертация подготовлена на основе теоретических разработок концепции модернизации, а также базовых принципов исторической науки, в число которых входит системность и историзм. Опорными идеями служат также многофакторность исторического процесса и принцип проблемно-хронологического изложения материала.

В современной историографии концепция модернизации является теоретической основой для описания разнообразных частных изменений как часть глобальных процессов. Она используется как средство построения многофакторных моделей на основе изучения структурной динамики и, таким образом, позволяет вписать, казалось бы, разрозненные изменения в контекст общих мировых явлений, установить причинно-следственные связи и выявить параллели.

В рамках теории модернизации существуют различные варианты понимания процесса. За основу проведенного исследования принят

инструментально-технологический подход. Он основан на понимании модернизации как объективной тенденции развития и технического прогресса, комплексного изменения инструментов и способов контроля над окружающей средой.

Принцип историзма предполагает выявление преемственности идей и событий, логики развития процессов, взаимосвязей современности с прошлым.

В соответствии с фундаментальным принципом системности исследовательский объект рассматривается как система с присущей ей особой структурой и специфическими механизмами функционирования.

Согласно идее многофакторности исторического процесса, события обусловлены различными факторами, соотношение которых меняется в зависимости от ситуации (это могут быть внешне- и внутривластные, социальные, культурные, экономические, идеологические, культурные и др. факторы).

Проблемно-хронологический подход позволил разделить проблему на несколько составляющих, каждая из которых рассматривалась в хронологической последовательности.

В качестве инструмента исследования использован дискурс-анализ. Разработанный в рамках развития филологии метод получил широкое признание различных исследователей гуманитарного профиля. Дискурс рассматривается как целостное коммуникативное событие, значимое для вовлеченных участников и характеризующееся специфическим содержанием, структурой и смыслом.

Все поставленные в диссертации вопросы решаются на основе системного подхода. Он предполагает изучение проблемы становления лесного хозяйства в России XVIII в. в тесной связи и с глобальными процессами, и с более специфическими явлениями, определявшими основной вектор европейского развития в данный период – распространение идей камералистов, меркантилистов, физиократов; становление и укрепление абсолютной монархии, формирование зачатков антропоцентризма и экологии.

Территориальные рамки исследования. Исследование посвящено Европейской части России, так как очевидно, что в изучаемый период времени центральная власть не имела инструментов контроля и средств воздействия на подданных для налаживания лесного хозяйства в Сибири.

Хронологические рамки исследования. Й. Радкау выделил три критерия, по которым вся мировая история лесного хозяйства может разделяться на крупные периоды:

- масштаб проблем,
- уровень занимающихся ими инстанций,
- вид знаний, которые применяются для их решения²⁴.

По всем трем критериям рубеж XVII–XVIII вв. следует признать важной вехой отечественной истории лесного хозяйства.

²⁴ Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014. С.64.

Активное развитие производства и торговли, строительство военного флота вывели лесопользование и связанные с ним экологические проблемы на принципиально новый уровень по сравнению с более ранним временем. Регулирование использования ресурса стало важной задачей государственного уровня, а не уровня местных общин.

На протяжении рассматриваемого периода управление лесами было сосредоточено преимущественно в ведении Адмиралтейств-коллегии. Правительство считало леса, в первую очередь, ресурсом для создания и поддержания в боеспособном состоянии военного флота. Все остальные виды лесопользования были менее значимыми.

С установлением монополии и государственного контроля был запущен процесс перехода к новому виду знаний, который должен был стать опорой для рационализации хозяйственной практики. На смену традиционным локальным практикам приходило научное знание, формируемое под существенным влиянием государственного заказа на проведение исследований. Детальное знание местной специфики, потребностей, выработанных на протяжении столетий практик по обеспечению стабильности среды теперь становилось менее значимым по сравнению со знанием, основанном на «взгляде вдаль» – информации о мире, на основе генерализации накопившегося опыта изучения обширных территорий.

Точкой отсчета является рубеж 1695–1696 гг. – начало истории русского регулярного военного флота.

Перевод в 1802 г. лесного департамента из Адмиралтейств-коллегии в Министерство финансов²⁵ отражал радикальное изменение политики регулирования природопользования. В ущерб прежнему имперскому проекту на уровне организации высших государственных учреждений был зафиксирован приоритет экономической ценности леса. Соответственно, есть основания для того, чтобы рассматривать этот момент как начало нового этапа в развитии лесного хозяйства. Вместе с тем, следует оговорить условность этой границы, так как передача лесов из ведения Адмиралтейства Министерству финансов была сопряжена с длительной бюрократической процедурой, переподчинением и реформированием ведомства в несколько этапов. Процесс завершился в 1837 г. формированием Министерства государственных имуществ и выработкой нового порядка управления лесами. Этот переходный период заслуживает специального внимания и представляет собой особые перспективы дальнейших исследований.

Внутри обозначенных хронологических рамок выделяются четыре периода. Они определены в зависимости от ответа власти на ключевой вопрос о том, кто должен заниматься ведением лесного хозяйства, быть в этом заинтересованным, действовать наиболее эффективно.

²⁵ До 1719 г. надзор за охраной лесов осуществлялся местными гражданскими властями. С 1782 по 1796 г. лесами ведали губернские казенные палаты и директора экономии, затем леса были вновь переданы в ведение Адмиралтейства.

- С 1696 по 1726 г. установлена и вступила в действие государственная монополия на леса. Говоря современным языком, наиболее эффективным менеджером считалось государство, осуществляющее управление посредством законодательной деятельности и административно-бюрократического аппарата.

- В 1726 г. монополия отменена, что должно было определить радикальные изменения в организации хозяйства. Логично было бы предположить, что тогда же права и ответственность переложены на плечи частных собственников, однако на практике это оказалось не совсем так.

- При Екатерине II лесное хозяйство было передано из ведения петербургского Адмиралтейства в местные казенные палаты и губернские канцелярии; наметилась тенденция к расширению и укреплению прав частных собственников.

- С 1798 по 1802 г. предпринимались попытки вернуться к принципам монополизма и поставить на качественно новый уровень восстановленную репрессивную систему охраны лесов.

Источниковая база исследования. При подготовке диссертационного исследования использованы как опубликованные материалы, так и впервые введенные в научный оборот архивные источники.

Среди опубликованных особое место занимают редкие издания XVIII в. Они выявлены в отделах редких книг Российской национальной библиотеки и Библиотеки Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Крупные массивы источников по теме обнаружены в центральных государственных архивах: Военно-Морского флота (РГА ВМФ), Государственном историческом (РГИА), Древних актов (РГАДА), Санкт-Петербургского института истории РАН (СПб ИИ РАН). Единичные источники по теме исследования обнаружены также в фондах Петербургского филиала Архива РАН (ПФ АРАН), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственном архиве Астраханской области (ГА АО), архивах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (МАЭ РАН) и кафедры антропологии и этнографии Института истории СПбГУ.

Источниковую базу исследования составляют:

- законодательные акты;
- записки монархов и законопроекты (имеет смысл объединять их в единую группу источников, базу для развития законодательства);
- делопроизводственные документы Адмиралтейств-коллегии и Сената, прежде всего – документы экспедиции над верфями и строениями коллегии, позже – лесного департамента (протоколы заседаний, предписания, отчеты и рапорты, поступавшие с мест, описания лесов);
- различные жалобы, челобитные, прошения, направлявшиеся в Адмиралтейств-коллегию, Сенат или на высочайшее имя; судебные дела, начатые на основе этих документов;
- указы помещиков приказчикам своих имений и инструкции управляющим заводами;

- письма, дневники, путевые записки, художественная литература;
- материалы этнографических экспедиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Становление российского лесного хозяйства было частью процессов:

- модернизации;
- укрепления абсолютизма;
- всеобщего закрепощения.

2. Интенсивность природопользования, процессы обезлесения и восстановления не зависели от политического и культурного дискурса, а определялись:

- демографическими процессами;
- имперским проектом;
- уровнем развития технологий;
- развитием промыслов и торговли;
- повышением стандартов благоустройства быта.

Экофильный дискурс «бережения лесов» использовался в качестве средства обоснования и легитимизации различных действий – строительства линейных кораблей; основания, закрытия или переноса на новое место предприятий; перераспределения прав и обязанностей и др.

3. В XVIII в. существовало *несколько регионов, которые потенциально могли бы стать точками модернизационного роста (центрами распространения западноевропейской культуры), но этот потенциал не был в полной мере реализован ни в одном из них. Три из четырех выделенных регионов представляют собой примеры фронтальной модернизации, каждый со своими специфическими особенностями. Среди этих регионов есть оба вида выделенных Д. Шоном моделей диффузии инноваций*²⁶:

Среднее Поволжье было богато корабельными дубами, Прибалтика – мачтовой сосной, Север – лиственницей и сосной; столичные регионы привлекали к себе большое внимание в виду высокого уровня потребления лесоматериалов.

Модель «центр-периферия»

В *Поволжье* главная причина нереализованности модернизационного потенциала заключалась в конфликте интересов государства и иноверцев, которые привлекались к заготовительным работам.

Пестрое население *Петербурга* имело в основном русские корни. Однако потребности строившегося города были настолько высоки, и проблемы стояли настолько остро, что просто бережного отношения к материалам было недостаточно. Жесткие меры контроля и пресечения любых нарушений сменились длительным поиском рациональных способов экономии древесины за счет изменений технологии строительства, системы отопления, бытовых привычек и др. За этими хроническими судорожными попытками решения

²⁶ Schon D.A. Beyond the Stable State. New-York, 1971.

сиюминутных проблем терялись проекты имперского значения, которые порой видятся историкам при изучении актов локального регулирования.

Модель «периферия-центр»

Сложившиеся с древних времен промысловые и торговые традиции, пограничное положение земель, использование передовых технологий, живая память о периоде шведского владычества, сильная купеческая корпорация определяли специфику ***Прибалтики***, жители которой активнее и эффективнее других отстаивали свои интересы перед столичным правительством. Постоянное противостояние власти и местной корпорации тормозило модернизационный процесс.

Жители ***Архангельской губернии*** также относительно охотно перенимали европейские новшества. Их озабоченность состоянием местных лесов, высокий уровень развития промыслов и торговли (как на внутреннем рынке, так и с Западной Европой), богатство лесных ресурсов создавали особые условия, влиявшие и на политику центрального правительства по отношению к региону. Однако интересы местных жителей часто не совпадали, столичное правительство имело собственное мнение по ряду вопросов. Противоборствующие силы тянули социально-экономические процессы в разные стороны.

4. Процесс становления лесного хозяйства на Русском Севере и в Прибалтике представляет собой яркий пример сосуществования и соперничества разных вариантов модернизации, которые можно условно обозначить как «модернизация сверху» и «модернизация снизу». При обсуждении петровского периода об их наличии довольно часто говорят, делая акцент на том, что первый вариант отличался ускоренными темпами и решительностью нововведений, а второй предполагал более постепенную эволюцию, на которую не было времени в условиях Северной войны. Рассмотренные в диссертации материалы показывают, что противостояние двух вариантов модернизации было характерно для всего XVIII в. и особенно ярко проявлялось там, где были сильны местные модернизационные тенденции. Накопленный опыт (в равной степени традиционно сложившийся или европейский модернизационный самостоятельно заимствованный подданными) выглядел для центральной власти неудобным и подлежащим исправлению. Опыт использования современных технологий и строительства морских судов, налаженные контакты с Европой, существование торговых корпораций оказывались не меньшей помехой «правильной» модернизации, чем устоявшиеся традиции. Вместо сочетания «модернизации сверху» и «модернизации снизу», совместного развития в одном направлении, получалось постоянное противодействие одного другому. Со временем эта рассогласованность усугублялась.

5. Образование точек роста во многом зависело от личностей. Среди субъектов модернизационного процесса следует выделить:

- монархов, придворное окружение, некоторых местных чиновников;
- академических ученых, специалистов-практиков и просветителей;
- промышленников и торговцев.

С личностями, считавшими важным налаживание современного и эффективного лесного хозяйства, связаны центры разработки и реализации данных идей. Рационализация шла успешнее там, где ее считали необходимой. Приоритеты развития промыслов и торговли также способствовали развитию модернизационного процесса, однако их влияние на состояние лесов было противоположным.

6. Изучение правоприменительной практики дает основания для вывода о декларативности большей части суровых репрессивных законов. На практике в подавляющем большинстве случаев наказание ограничивалось денежным штрафом. Сложившиеся в историографии оценки порядка, установленного при Петре I, а затем, при Павле I, как хорошо обеспечивавшего охрану лесов за счет строгих законов, а промежуточного периода – как времени либерализации, когда достижения были отвергнуты и леса оставлены без государственной охраны, следует признать недостаточно обоснованными. Изучение законов в отрыве от правоприменительной практики до сих пор создавало у историков ложные представления, базирующиеся только на поверхностных впечатлениях.

7. Взвешенная оценка правления Екатерины II в истории русского лесного хозяйства должна основываться на произошедших в этот период социально-экономических и политических изменениях:

- продолжение совершенствования законодательства с привлечением академических ученых (особое место здесь занимает разработка проекта Устава о лесах при участии П.С. Палласа);
- политика поддержки науки и просвещения (особенно важно было создание ВЭО и финансирование его деятельности);
- политика межевания, включение в лесной фонд помещичьих лесов; повышение уровня техники составления кадастра и карт;
- поддержание частной инициативы, приведшее к быстрому по сравнению с предшествующим периодом распространению современных технологий;
- особое внимание к проблеме хранения лесоматериалов; активное строительство сараев;
- развитие тенденций становления частной собственности.

8. В XVIII в. были сформулированы и опробованы два основных подхода к организации охраны лесов – государственное регулирование и заинтересованность землевладельца.

Два аспекта модернизационного процесса, которые обычно рассматриваются как части единого комплекса – усиление государственной власти, совершенствование аппарата управления и развитие бюрократизации с одной стороны и становление прав частной собственности – оказываются двумя противоположными, полюсами. Формируя политику охраны лесов, правительство должно было выбирать одну из них. Вместе с тем, наделение землевладельцев вместе с правами также и обязанностями по сохранению лесов по сути являлось попыткой переложить бремя ответственности с чиновников на помещиков. Так как чиновники назначались из числа дворян, главные различия заключались в системе обеспечения, в ограничении сферы регулирования и во временном или постоянном и наследуемом характере полномочий.

9. Отчасти в результате активного государственного регулирования, отчасти в силу развития технологий, социально-экономических и культурных процессов, помещики стали рассматривать лесное хозяйство как важную часть жизни поместья. Начатые государством культурные опыты по внедрению новых технологий посадок и заготовок со временем получили продолжение в форме серии мелких опытов в помещичьих хозяйствах. Поиск наиболее благоприятных условий для роста деревьев к концу XVIII в. вошел в моду среди тех, кто считал себя просвещенным рачительным хозяином. Укреплению представлений необходимости заботы о лесах способствовали тенденции:

- стремления к социальной стабильности (отсутствие бытовых проблем, связанных с дефицитом материалов и топлива в хозяйстве);
- соответствующего понимания патриотизма как вовлеченности в заботу об общем благе и процветании государства;
- стремления оставить материальное и символическое наследие;
- создания мест для досуга, получение удовольствия от охоты или прогулок.

И члены высших органов государственной власти, и просвещенные помещики считали важным административно-бюрократическое регламентирование (работа контролирующих должностных лиц, предписания, штрафы, пресечение незаконных порубок, межевание земель), а также деятельность по изучению лесов (зарисовки, наблюдения, картографирование, подсчет, организация учета, приглашение и обучение специалистов, изучение ботаники, организация рубок по лесосекам, расчет сроков лесовозобновления) и организацию опытов.

10. Проблемы дороговизны строительных материалов и дров играли важную роль в распространении и развитии идеи о необходимости рационализировать лесное хозяйство как на государственном, так и на частном уровне.

11. В период с 1696 по 1722 г. правительственный дискурс охраны лесов носил выраженный силовой характер. Он декларировал интересы государя и государства; обоснование принимаемых решений в текстах постановлений отсутствовало. Оно появилось в законодательстве после Северной войны в виде общих формулировок «общее благо» и «бережение лесов».

Общая тенденция развития правительственного дискурса с 1727 по 1798 г. – забота монарха о населении, выражавшаяся в делегировании ответственности и в предоставлении прав распоряжения лесами помещикам в своих имениях, городским и сельским общинам на землях, предоставленных им в пользование; заводские канцелярии должны были решать хозяйственные вопросы на приписанных к предприятиям территориях. Особенно ярко она выражена в документах екатерининского времени, когда дворянству были предоставлены широкие права, в числе которых было управление поместьями по своему усмотрению. Дискурс предоставления широких прав был неразрывно связан с дискурсом высоких этических требований к просвещенному человеку. Получая привилегии, он становился ответственным за вверяемые в его попечение земли.

Эволюцию системы государственной охраны лесов в период становления и укрепления прав собственников при сокращении штата ответственных чиновников нельзя трактовать прямолинейно в традициях, сложившихся в рамках государственной школы историографии – как сворачивание политики охраны лесов и расширение возможностей обогащения собственников за счет своих земель. Напротив, наблюдается *стабильность развития политики и дискурса* при корректировке лишь формальных деталей.

12. Несмотря на все усилия (создание и постоянное совершенствование законодательной базы, учреждение и реорганизации ведомств, описание и изображение на картах, приглашение иностранных специалистов и подготовку отечественных, активное выявление и пресечение незаконных порубок, расширение прав и обязанностей дворян, перераспределение прав собственности), государственную охрану лесов было трудно характеризовать как эффективную.

Процесс модернизации можно характеризовать как частичный, приведший к переплетению традиционных и современных структур. Сделанные в результате диссертационного исследования выводы соответствуют разработанной Д. Рюшмейером теории парциальной модернизации, согласно которой в результате подобного симбиоза внедряемые элементы модернизации утрачивают свою эффективность, а функционирование традиционных системы блокируется нововведениями.

13. В сохранении лесов были в равной степени заинтересованы все без исключения социально-политические акторы изученного периода. Дискурсивный повтор необходимости сбережения лесов в обращениях к власти, законах, публикациях, разговорах создавал своеобразную базу не только для решения насущных вопросов, но и становился способом демонстрации положительных качеств – образованность, принадлежность к современной культуре, равнодушие к общим проблемам. Создавая дефицит, те же самые люди одновременно писали об обезлесении. Характерным явлением эпохи был поиск виновных в оскудении лесов: государственные чиновники, организовывавшие крупные заготовки для верфей, считали виновниками дефицита крестьян, купцы – государственных заготовителей и зарубежных конкурентов, крестьяне – чиновников и торговцев. Забота о лесах стала элементом риторики в купеческих и крестьянских прошениях, и элементом политики правительства, демонстрирующего не только озабоченность сохранением стратегического ресурса, но и заботу о стране, о благополучии каждого подданного – достатке и тепле в доме, о радующем глаз пейзаже. На всех уровнях отмечается развитие экофильного дискурса при усилении экофобных тенденций в развитии практик и технологий. В этом отношении можно с уверенностью утверждать, что лесное хозяйство было той сферой, в которой модернизация затронула все социальные группы населения страны.

14. Предложения, связанные с современной модернизацией страны на идеологической основе имперского периода, оторваны от понимания исторических реалий. Действия власти, направленные на укрепление вертикали, численное увеличение аппарата управления, разработка законов,

регламентов и инструкций, в комплексе создают иллюзию деятельности правительства. Однако результаты не оправдывают ожиданий. Не только актуальные проблемы остаются неразрешенными, но и появляются новые. В исторической перспективе они могут быть оценены как проявления слабости власти, неспособной найти достойные ответы вызовам времени.

Степень достоверности и апробация результатов. Концепция формирования российского лесного хозяйства верифицируема, построена на проверяемых данных и фактах. Все положения и выводы диссертации базируются на богатом российском и зарубежном историографическом опыте, детальном изучении обширного массива разнообразных опубликованных и архивных источников, ряд которых вводится в научный оборот впервые.

Текст диссертации обсуждался и был рекомендован к защите на заседании отдела «Музей М.В. Ломоносова» МАЭ РАН с участием приглашенных специалистов, докторов наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Промежуточные этапы работы были представлены в виде докладов и обсуждались на заседаниях отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России, отдела «Музей М.В. Ломоносова», семинара центра экологической и технологической истории при Европейском университете в Санкт-Петербурге, на научных конференциях Европейского общества экологической истории и «Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв.».

Основное содержание и главные выводы исследования изложены в монографии «История закрепощения природного ресурса. Леса России. 1696–1802 гг.» (СПб., 2017. 20 п.л.), получившая в печати положительную рецензию²⁷. Отдельные части работы опубликованы в виде 29 публикаций, в том числе 20 статей в ведущих рецензируемых журналах.

Структура исследования соответствует поставленным целям и задачам. Диссертация состоит из введения, восьми глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснованы актуальность темы исследования, определены цели и задачи, объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, раскрываются методология и методы исследования, научная новизна и практическая значимость, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлена степень достоверности и апробация результатов проведенного исследования.

Глава 1 «Методология исследования, историография, источники» раскрывает базовые принципы диссертационного исследования.

²⁷ Агафонова А.Б. Рецензия на кн.: Лупанова Е.М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. // *Historia provinciae*. Журнал региональной истории. 2018. Т.2. №1. С.109-116.

Первый параграф посвящен модернизации и дискурс-анализу как теоретическим основам современного исторического исследования. Особое внимание внутри концепции модернизации уделено опыту осмысления экологических процессов.

В параграфе «Историография» рассмотрены такие направления как изучение истории институтов государственного регулирования природопользования, становления и развития права; опыт изучения технологий, картирования, научного и просветительского дискурса. Проведенная работа с массивным пластом специальной литературы по экологической истории позволила раскрыть условия формирования историографического направления с данным самоназванием и поставить под сомнение общепризнанное мнение об уникальности экологической истории, существовании у нее собственной школы и методологии со своими четкими категориальными критериями, позволяющими определять каждое отдельно взятое исследование как историко-экологическое, или, напротив, не относящееся к данному направлению.

Концепция модернизации надежной и перспективной для исследователей теоретической основой.

В существующей историографии не ставится под сомнение вестернизационный характер российской модернизации XVIII в., ее форсированный и догоняющий характер, экстренная мобилизация всех доступных ресурсов для реализации этой цели.

Можно выделить следующие основные дискуссионные вопросы и точки зрения на процессы модернизации в этот период времени:

1. Причины начала и движущие силы;
 - А. Эндогенный характер
 - а. Воля монарха и узкого круга ближайших сподвижников,
 - б. Инициатива либеральной бюрократии (просвещенного дворянства, иностранных специалистов, интеллигенции),
 - с. Процессы социального (или социально-экономического) развития;
 - В. Экзогенный характер;
2. Возможности планирования и управления процессом
 - А. Преимущественно спонтанный процесс,
 - В. Преимущественно планируемый и управляемый;
3. Постепенность процесса
 - А. Эволюционная модернизация,
 - В. Пульсирующая, скачкообразная модернизация;
4. Степень глубины процессов
 - А. Копирование внешней атрибутики при невнимании к внутреннему содержанию,
 - В. Глубинные культурные, политические и социально-экономические трансформации
 - а. Комплексные,
 - б. Затрагивающие отдельные аспекты;

5. Результативность

- А. Внешние изменения при сохранении традиционного уклада,
- В. Постепенная адаптация к нововведениям,
- С. Сочетание элементов модернизации с элементами традиционной культуры как основа стабильного развития,
- Д. Сочетание элементов модернизации с элементами традиционной культуры как дестабилизирующее начало и причина конфликтов.

Под дискурсом понимается процесс коммуникации как коллективная рефлексия. Важнейшей его составляющей является обмен аргументами как ряд ответов на вопросы, вызванные необходимостью решения проблем, значимых с точки зрения общества. Дискурс тесно связан с социальной идентичностью. Он всегда выстраивается как обусловленный с социальной и ситуативной точки зрения, а также с точки зрения действующего человека, выстраивающего коммуникацию определенным образом. Одним из важных направлений дискурс-анализа является выявление доминантного дискурса (мегадискурса), объединяющего различные линии аргументации, изменяющийся под влиянием новых идей, создающий основу для интеграции различных мнений в непротиворечивое целое. Эволюция мегадискурса (возникновение, трансформация, упадок, смена другой доминантой) может быть перенесено на исторические исследования.

Во второй главе «Лесное хозяйство как часть глобальных процессов» представлен широкий исторический контекст и дана общая характеристика исторических процессов, частью которых являлось становление лесного хозяйства:

- а) глобального процесса XV–XXI вв. – модернизации;
- б) более специфических явлений европейской истории XVI–XIX вв.:
 - становление и укрепление абсолютизма, в ходе чего коренным образом менялись средства учета государственных ресурсов и управления их использования;
 - теории меркантилизма и идеологии Просвещения, создававшие идеологическую основу политических процессов изучаемого периода и являвшиеся основой правительственного дискурса,
 - protoиндустриализации, важной составляющей которой было резкое увеличение потребностей в древесине;

в) специфического российского явления – укрепления крепостного права, оказавшегося в нашей стране неразрывно связанным с укреплением абсолютизма и форсированием модернизационного процесса; становление лесного хозяйства предлагается рассматривать как часть глобального закрепощения всех ресурсов страны – человеческих и природных. Закрепощение включало в себя два основных аспекта:

- усиление степени зависимости и эксплуатации;
- установление определенной заботы и защиты над эксплуатируемым.

В главе показано, что политическая, экономическая, военная история тесно связана с историей лесопользования. Контроль и эффективное использование природных ресурсов с древнейших времен до наших дней является залогом

обеспечения армий оружием, строительства укреплений и кораблей. Вплоть до второй половины XX в. лес был важнейшим ресурсом, определявшим судьбу государств, армий и флотов; и соответственно – залогом успешного развития *модернизационного процесса*.

На рубеже XVII–XVIII вв. в России строительство флота, активное развитие промышленности и торговли требовали дотоле небывалого количества древесины. Жизненно важным для государства оказался вопрос качественных лесоматериалов в удобных с точки зрения транспортировки местах.

Изменение отношения к природному ресурсу происходило в тесной связи с общими процессами модернизации, становления абсолютной монархии, распространения идей меркантилизма, социально-экономического развития. В области становления лесного хозяйства в первой половине XVIII в. прослеживаются следующие аспекты этих процессов:

- монополизация и мобилизация ресурсов (идеологическим обоснованием таких решений были стремление к укреплению абсолютной власти монарха; вера во всемогущество государства как наиболее разумного организующего начала; забота об «общем благе»;

- установление контроля над этими ресурсами на принципиально новом уровне;

- бюрократизация;

- организация изучения ресурсов;

- активное обоснование принимаемых решений как разумных;

- приоритет символических ценностей над утилитарными;

- секуляризация и модернизация представлений о символических ценностях на уровне монарха и его ближайшего окружения.

Во второй половине XVIII в. названные принципы сменились идеологией просвещенного абсолютизма. Характерными чертами политики стали:

- опора на накопленный опыт и существовавшие традиции при продолжении реформ, направленных на модернизацию страны;

- стремление отказаться от полицейских принудительных методов управления;

- межевание земель, развитие представлений о частной собственности, становление механизмов её защиты;

- просветительская деятельность;

- делегирование инициативы и ответственности просвещенным подданным.

Абсолютизм, камерализм и меркантилизм) часто являются предметами дискуссий. Приведенные в главе рассуждения дают основания для утверждения, что развитие России вписывалось в общеевропейские тенденции. Важно обоснование правомерности и жизнеспособности понятия «абсолютная монархия» как специфического вида государственного устройства, характерного только для относительно узкого хронологического периода. Специфика определяется присущими только данному виду типологическими признаками. Во второй половине XVIII в. они дополнились характеристиками просвещенной монархии. Новые черты не противоречили идеологии

абсолютизма, а органично вписывались в нее. Они стали частью дальнейшей разработки идей, которые в зачаточном варианте можно найти в источниках петровского времени. Важную роль в этой системе представлений и идеалов играли идеи меркантилизма и камерализма, процессы милитаризации, секуляризации и рационализации, бюрократизации.

В заключительном, параграфе главы показано, что процессы российской модернизации и укрепления абсолютизма в XVIII в. развивались в неразрывной связи с укреплением крепостного права – устойчивой системой взаимоотношений, включавший в себя два основных аспекта: эксплуатацию и заботу о сохранении. Крепостное право не ограничивалось взаимоотношениями между помещиками и принадлежавшими им крестьянами, но распространялись на все без исключения социальные группы, а если смотреть шире – то и на отношение к природным ресурсам.

Глава 3 «Организация и технологии лесного хозяйства» посвящена технологическим аспектам, четыре следующих главы построены в соответствии с хронологическим принципом.

В третьей главе рассматриваются:

1. Процессы специализации организации и контроля – постепенное формирование государственной службы охраны лесов, эволюция практики поручений надзора за лесами в качестве дополнительной обязанности наряду с другими в особый род профессиональной деятельности; в этом же параграфе рассмотрены крестьянские повинности и должности, связанные с обеспечением охраны лесов и заготовления материалов для строительства флота;

2. Инструменты изучения и технологии заготовки и обработки древесины:

А) инструменты научного изучения деревьев на корню и территорий, занятых лесными массивами: угломерные инструменты (геодезические астролябии, квадранты и теодолиты), компасы, лаги, песочные, солнечные, звездные и механические часы, измерительные цепи, зрительные трубы, чертежные, счетные, масштабные линейки, угольники, циркули, транспортиры;

Б) инструменты заготовки и обработки: топоры, пилы, пильные мельницы, скобели, ужники.

3. Техники

А) валки,

Б) транспортировки (гужевой, плотовой, молевой),

В) хранения (временного и постоянного),

Г) подчисток деревьев на корню;

Д) лесопосадок.

Каждый из данных аспектов рассмотрен в динамике исторического развития.

Изучение технологической стороны лесного хозяйства и лесозаготовок является важной частью диссертационного исследования. Рассуждения об исторических явлениях и процессах без учета повседневных реалий и технологий неизбежно ведут к излишней теоретизации, воспроизведению анахронизмов и ошибочным трактовкам. Детализированное представление о

том, как велось хозяйство, позволяет понимать исторические связи, варианты последующего развития, причины реализации одних возможностей при игнорировании других. В историографии неоднократно отмечалось, что технологии определяли взаимоотношения между человеком и природой. Их совершенствование было важнейшей частью модернизационного процесса. Распространение передовых технологий влекло за собой появление соответствующих политических, культурных и социальных механизмов, позволяющих использовать эти технологии и управлять ими.

Трудоемкость процессов определяла отношение к материалам, озабоченность участников заготовок сохранением материалов, относительно низкие темпы обезлесения. Внешние условия требовали быстрого увеличения объемов заготовок, а, следовательно, и активного обновления технологий. Соответственно, правительство требовало быстрого распространения пил и пильных мельниц, эффективной работы ответственных лиц. В целом новшества распространялись медленно, приживались тяжело. Более экономичные способы заготовки вели к увеличению объемов. Иллюзия, что пилы и мельницы позволяют экономить материалы и труд, оборачивалась увеличением объемов заготовок. Таким образом, правительство, обосновывавшее распространение новых технологий соображениями «бережения лесов», на деле способствовало увеличению вырубок.

Путь проб и ошибок был неизбежен в ходе выработки технологий ухода за деревьями на корню. Ошибки привели к тому, что действия, казавшиеся направленными на создание рационального порядка выращивания, заготовления и первичной обработки древесины, на деле имели противоположные или сильные побочные эффекты: изреживание лесов, ослабление и порча деревьев на корню, гниение заготовленного леса вследствие неправильных условий хранения, засорение рек, обеднение их фауны.

Глава завершается выводами о медленности распространения новых технологий, об общем недоверии к ним, желании правительства форсировать модернизационный процесс. Стимулирующие действия выражались в разные периоды времени в принудительных мерах, предоставлении льгот и финансовой помощи с 1730-х гг., просветительской деятельности. Другим аспектом модернизации было появление профессиональных групп и ответственных за состояние лесов на местах. Становление служб и новых методов хозяйствования шло непростым путем проб и ошибок: чиновники и выборные, а также новые приемы ухода за лесами, лишь отчасти оправдывали надежды, связывавшиеся с их появлением, зачастую заставляли власть решать новые проблемы, возникавшие в результате деятельности формировавшейся системы.

Четвертая – седьмая главы посвящены выделяемым хронологическим периодам становления лесного хозяйства как части модернизационного процесса. В каждой из них подробно рассматривается:

- законодательство и законопроекты;
- становление и развитие системы ведомств, ответственных за рационализацию лесопользования;

- правоприменительная практика;
- картографирование и описание лесов;
- социально-экономические факторы;
- становление научного лесоводства;
- регулирование использования ресурса в помещичьих имениях.

Каждая из глав содержит параграфы, посвященные специфическим событиям и явлениям, характерным только для данного времени, а также особые явления, обусловленные географической локализацией и местными традициями.

В четвертой главе «Государственная монополия на леса» рассматривается формирование лесного хозяйства в период с 1696 по 1726 гг.

В годы Северной войны были заложены *основы лесного хозяйства и государственного регулирования*. В течение последующих десятилетий они развивались и дополнялись с различными вариациями. Основными составляющими регулирования были:

- установление государственного контроля над лесами и назначение ответственных лиц;
- пресечение незаконных порубок и наказание уличенных в них;
- организация описаний;
- лесовосстановительные работы.

Чем большего количества древесины требовали крупные проекты строительства флота, Санкт-Петербурга, развития промышленности и торговли, тем активнее государство стремилось контролировать использование ресурса.

Модернизационный процесс в России во многом шел путем импорта европейских идей и технологий. В Европе к началу XVIII в. сложилось две традиции решения проблемы дефицита древесины – французская и немецкая. Французская базировалась на вере во всемогущество закона, чиновников и бюрократического аппарата. Немецкая традиция ставила во главу угла рациональное знание, расчеты, подчинение природы посредством строгого учета, контроля, расчета количества, необходимого на удовлетворение потребностей государства. На них мог ориентироваться Петр I, вырабатывая собственную политику. Представляется некорректным однозначная характеристика петровской политики по регулированию природопользования как копирования немецкой системы. Не отдав предпочтения ни одной из них, он использовал в равной мере административный ресурс и научный подход к решению проблемы сохранения лесов. При этом французский подход в большей степени соответствовал традиционным взглядам (русское слово «власть» этимологически связано с владением); а немецкий – модернистским тенденциям, которые в России ассоциировались с европейской культурой. Одновременное использование элементов двух названных подходов можно также трактовать не как импорт элементов двух разных европейских традиций, а как совмещение политики вестернизации с развитием традиционных начал.

С первых дней строительства флота стали проявляться основные аспекты модернизационного процесса в лесопользовании. Среди них следует выделить:

- резкое усиление эксплуатации природных ресурсов;

- осознание их ценности на новом уровне, имевшее следствием установление государственной монополии;
- разработку специального законодательства;
- составление более подробных и точных карт и описаний;
- появление ответственных лиц, бюрократизация;
- внедрение новых технологий (научные инструменты для изучения и измерения, пилы, мельницы).

До 1715 г. охрана лесов была выборочной, затрагивала территории, где велись заготовительные работы для верфей, и только породы деревьев, ценные с точки зрения корабелов. Затем было объявлено о взятии под государственный контроль всех лесов в стране. Однако быстро наладить эффективный контроль было невозможно. Поэтому государственная монополия была непрочной, что обуславливало жестокую пенитенциарную политику, призванную компенсировать недостатки контроля.

Итогом установления новых законодательных норм, проведения описаний, привлечения к ответственности виновных в незаконных порубках стал особый порядок лесопользования, который определяли:

- государственная монополия на леса, формальное существенное ограничение прав общин и монастырей;
- подчинение порядка использования природных богатств нуждам флота и крупных государственных проектов.

Общая асинхронность модернизационных процессов повлияла и на формировавшееся лесное хозяйство. Стремление государства быстро установить правильный контроль, учет, рациональное использование ограничивалось:

- представлениями о том, что не всякий лес является ценностью и подлежит охране;
- кадровым дефицитом;
- трудно поддававшимися изменениям повседневными практиками;
- техническими возможностями центральной власти.

Вопросы лесного хозяйства освещались на страницах проектов, инструкций и рассуждений В.Н. Татищева, И.Т. Посошкова, С.Ф. Салтыкова.

Попытки регулировать лесное хозяйство в помещичьих имениях в этот период времени прослеживаются лишь эпизодически и в качестве напоминания о требованиях общегосударственных законов.

В пятой главе «1726–1762 гг.: тенденции усиления государственной монополии и становления прав частных владельцев» внимание сосредоточено на развитии лесного хозяйства в период дворцовых переворотов. Начиная с 1726 г. ряд законодательных актов наделял помещиков правом распоряжаться лесными угодьями по своему усмотрению. Однако дарованные права были зыбкими. В случае необходимости правительство обязывало дворян сеять леса или продавать материалы в казну, угрожая в случае неповиновения конфискацией земель. Одновременно с неготовностью правительства полностью отказаться от монополии отмечается также неготовность помещиков стать полноправными хозяевами и распоряжаться лесными угодьями.

Большинство дворян продолжало оставлять лесопользование за рамками инструкций управляющим.

Особое внимание в главе уделено региональной специфике – проблеме дефицита древесины в Москве и Петербурге; развитию торговли лесоматериалами через Архангельск и балтийские порты, попыткам государственного регулирования торговли и их влиянию на дальнейшую разработку политики.

Существенную роль в процессе становления лесного хозяйства играли обращения купцов к власти. Обращение в высшие инстанции по поводу незаконных порубок в этот период стало проверенным способом отстаивания интересов общин и конкурентной борьбы. Многие жалобы также были связаны с конфликтами между различными группами купечества, казенных и предпринимательских интересов. Ощутимое влияние коллективных обращений к власти на политику и законодательство было важным общеевропейским явлением Нового времени.

Казенные заготовки наносили существенный урон состоянию лесов, но государство не хотело признать себя ответственным. Искать виновника было удобнее среди подданных, и не народа вообще, а в лице конкретных людей. Благодаря периодически повторявшимся указам о сбережении лесов население взяло на вооружение обвинения в незаконных вырубках. Запущенный изначально в качестве направления ограничительной и запретительной политики процесс напоминал разным социальным группам об их собственных интересах. Конкурентная борьба между отдельными промышленниками, иностранными торговцами, русскими купцами, государственными чиновниками создавала благоприятную почву для взаимных обвинений и муссирования вопроса о варварском отношении к природе. Таким образом, усиление экологического сознания с разных сторон приводило к соревнованию социальных групп на почве ревностной защиты лесов. Действовал самодостаточный механизм обращения к центральной власти, который периодически заставлял петербургское правительство вновь и вновь обращать внимание на состояние лесов. Здесь кроется ключ к ответу на вопрос, почему именно *период с 1726 по 1762 г.* стал столь *важной вехой* в истории становления лесного хозяйства в России. Становление экологического сознания шло через *активный диалог власти и заинтересованных социальных групп*.

Важным достижением послепетровского времени стало появление *специалистов* по лесному хозяйству, привлечение к решению проблем сотрудников *Академии наук*, попытки решить практические задачи при помощи *культурных опытов*. Таким путем шло *укрепление рационалистического начала* в области государственного регулирования лесного хозяйства.

Политика государственного регулирования природопользования в период с 1726 по 1762 г. носила противоречивый характер. Правительство кидалось из одной крайности в другую – за отказом от принципа монополии и признанием прав частных владельцев следовало восстановление петровских запретов и репрессивной политики; решения, способствовавшие развитию

промышленности и торговли, сменялись попытками жесткого ограничения рубок и налаживания правильного лесного хозяйства на основе научных знаний.

Глава 6 «Лесное хозяйство в 1762–1797 гг.» посвящена периоду, основной тенденцией которого можно назвать **усиление частнособственнических тенденций**. Становление прав собственности на землю, в том числе на лесные угодья, происходило болезненно, права регулярно нарушались, отсутствовали эффективные способы защиты этих прав, и собственникам приходилось решать проблемы своими силами, подчас – отстаивать территорию с оружием в руках.

Хотя государство и отказалось от монопольных прав на леса, стало брать материалы для верфей с согласия собственников земель и с выплатой им компенсации, инертность чиновников на местах и сила ранее сложившихся привычек определяли длительность перехода к новым порядкам. Кроме того, процесс тормозился традициями общинного землевладения, противостоянием общин с их усиливавшимся влиянием, незрелостью представлений о собственности самих дворян и стремлением абсолютной власти к усилению. Складывавшаяся ситуация ограничивала доступ казны к ресурсам и создавала для государства ситуацию дефицита ресурса независимо от процесса обезлесения. Этим ощущением отчасти объясняются негативные оценки периода и радикальные меры, которые пытался предпринимать Павел I.

Вопреки сложившемуся в историографии стереотипу, Екатерина II уделяла значительное внимание лесному хозяйству, продолжала разработку законодательства, направленного на защиту лесов и рационализацию их использования, пытаясь совместить эти начала с реализацией физиократических идей, заботой о развитии рынка и соблюдением интересов населения. Увеличение вырубок лесов было обусловлено не радикальными изменениями правовой базы или меньшей озабоченностью правительства лесным вопросом, а следующими факторами:

- ростом численности населения;
- развитием торговли, промышленности и потребления;
- интенсификацией превентивных рубок на не размежёванных и подлежащих межеванию землях;
- предрассудками, слухами, толкованиями законов.

Ученые Петербургской Академии наук активно искали способы решить проблемы лесного хозяйства. Важнейшим документом периода стал Устав о лесах, подготовленный при непосредственном участии П.С. Палласа.

Особый интерес представляют собой законопроекты екатерининского времени. Авторы некоторых из них выступали как сторонники полицейского государства, строгого бюрократического контроля и регламентации, усиления рациональных начал. Параллельно с такими проектами развивалось противоположное направление мысли. На стол императрицы попадали труды авторов, которые писали о необходимости увеличения объемов торговли лесоматериалами. Учитывая существование первого из названных направлений, не следует преувеличивать значение «духа либерализма» и «мечты о свободе»,

которые, как иногда считают, были едва ли не магистральным направлением развития общественной мысли конца XVIII–XIX вв.

Знаковым явлением периода стали многочисленные публикации научного и просветительского характера. Они сформировали основу для распространения идей о необходимости заботы о лесах, налаживании правильного хозяйства в просвещенном российском обществе.

Важную роль в развитии научных начал и распространении знаний о рациональных методах хозяйства играло Вольное экономическое общество. В его деятельности можно выделить несколько направлений:

- изучение природы;
- изучение бытовавших у разных народов способов использования природных ресурсов с целью выявить наиболее рациональные;
- популяризация этих знаний, а также идей бережного отношения к природе;
- культурные опыты и поиск новых современных средств рационализации хозяйства (наряду с лесовосстановительными работами, борьбой против насекомых-вредителей и подобными очевидными мерами заботы сюда относятся разыскания в области альтернативного топлива и эффективных способов отопления).

Книги и статьи, посвященные проблемам лесов, способствовали постепенному изменению взгляда на характер политики, необходимой для рационализации использования ресурса. При Петре I государственная монополия на леса была установлена в первую очередь как на **стратегически необходимый материал для кораблестроения**, во вторую – как на **топливо, необходимое для развития промышленности**. Те же приоритеты сохранялись и в эпоху дворцовых переворотов, хотя государственные чиновники уже более охотно и внимательно прислушивались к **жалобам купцов и крестьян**, чьи интересы связаны с эксплуатацией лесов. С появлением форстмейстеров мнение специалистов становится существенным и даже порой определяющим при формировании политики. Наконец, при Екатерине II в публикациях уже редко можно встретить рассуждения о том, что из-за нерационального использования ресурсов страна скоро останется без материала для поддержания боеспособного флота. Высокие цели великой империи и нужд Адмиралтейства постепенно уступили место более житейским вопросам. Авторы публикаций все чаще волновало, что «оскудение лесов» **тяготит простых обывателей**, которым приходится закупать древесину по высоким ценам и везти ее издалека. Государство же в этой ситуации оказывалось на службе общего блага, понимаемого уже в большей степени как счастье каждого подданного, а не величие империи. Власть императрицы и чиновничье-административный аппарат, по мнению ряда авторов рассмотренных в диссертации печатных работ, выступали как гарант сохранения лесов для потомства, обеспечения гармонии в природе и красоты. Такая расстановка приоритетов надолго закрепилась в литературе по лесному хозяйству. В публикациях XIX в. необходимость леса для содержания и строительства флота обычно стоит после

нужд населения, необходимости строительства и отопления домов, а также нужд предприятий.

В седьмой главе «Регулирование лесопользования Морским ведомством 1798–1802 гг.» рассмотрен краткий, но насыщенный и хорошо документированный период развития лесного хозяйства. В преддверии министерской реформы наблюдалась тенденция к укреплению властной вертикали, ослаблению коллегиального начала и усилению принципа единоначалия. Велась активная разработка законодательства, общий смысл которого сводился к *восстановлению запретов и усилению репрессивного начала*. Хотя павловские запреты были менее суровыми по сравнению с петровскими, отработка и совершенствование механизмов контроля на местах вкупе с исполнительским рвением вели к фактическому ужесточению порядков.

Лесной вопрос находился в центре внимания авторов, предлагавших свои проекты по совершенствованию управления. В отличие от проектов екатерининского времени, авторы предлагали в большей степени регламентировать технические моменты, учитывать особенности местности, сведения о биологии деревьев, наработанный опыт.

Особое внимание было уделено решению кадрового вопроса. Рассмотренные материалы позволяют судить о том, что при назначении ответственных лиц важны были не столько профессиональные качества и знание специфики, сколько личная репутация и сложившиеся традиции нанимать в лесоохрану тех, кто не мог исполнять другую работу. Таким образом, модернистские принципы обезличения и специализации не возобладали над личным доверием.

Восстановление государственной монополии было едва ли возможно в условиях становления частной собственности на землю и существенной зависимости европейских рынков от российской древесины. Ущемление интересов помещиков угрожало надежности положения престола, а нарушение сложившейся торговой практики – стабильности международной обстановки. Даже попыток восстановления репрессивного законодательства и прекращения торговли с Англией оказалось достаточно для того, чтобы стать одной из предпосылок событий 11 марта 1801 г. С другой стороны, декларативный возврат Александра I к политике Екатерины II не привел к отмене постановлений репрессивного характера.

Таким образом, период с 1798 по 1802 г. следует характеризовать как двойственный, проникнутый стремлением возродить традиции (причем традиционными, наряду с собственно традиционными практиками, казались заложенные при Петре I принципы управления) на новом по сравнению с началом XVIII столетия этапе модернизации.

В восьмой главе «Экофильный дискурс: формирование и развитие» эволюция практик коммуникации при обсуждении вопросов природопользования. Отдельные параграфы посвящены правительственному; купеческому и промысловому, обывательскому и элитарному культурному дискурсу.

В период с 1696 по 1722 г. правительственный дискурс охраны лесов носил выраженный силовой характер. Он декларировал интересы государя и государства; обоснование принимаемых решений в текстах постановлений отсутствовало. Оно появилось в законодательстве после Северной войны в виде общих формулировок «общее благо» и «бережение лесов».

Общая тенденция развития правительственного дискурса с 1726 по 1798 г. – забота монарха о населении, выражавшаяся в делегировании ответственности и в предоставлении прав распоряжения лесами помещикам в своих имениях, городским и сельским общинам на землях, предоставленных им в пользование; заводские канцелярии должны были решать хозяйственные вопросы на приписанных к предприятиям территориях. Особенно ярко она выражена в документах екатерининского времени, когда дворянству были предоставлены широкие права, в числе которых было управление поместьями по своему усмотрению. Дискурс предоставления широких прав был неразрывно связан с дискурсом высоких этических требований к просвещенному человеку. Получая привилегии, он становился ответственным за вверяемые в его попечение земли. Эволюцию системы государственной охраны лесов в период становления и укрепления прав собственников при сокращении штата ответственных чиновников нельзя трактовать прямолинейно в традициях, сложившихся в рамках государственной школы историографии – как сворачивание политики охраны лесов и расширение возможностей обогащения собственников за счет своих земель. Напротив, наблюдается стабильность развития политики и дискурса при корректировке лишь формальных деталей.

Вместе с екатерининской общей либерализацией законодательства книги и статьи способствовали постепенному изменению взгляда на леса. Государственная монополия первой четверти XVIII в. была установлена, в первую очередь, как на стратегически важный материал для создания флота, во вторую – как на топливо, необходимое для развития промышленности. Те же приоритеты сохранялись и в середине XVIII в., хотя столичные чиновники более охотно и внимательно стали внимать жалобам купцов и крестьянских общин. С появлением форстмейстеров мнение специалистов сразу стало существенным и даже порой определяющим при формировании политики в области лесного хозяйства. Наконец, при Екатерине II в публикациях уже редко можно встретить рассуждения о том, что из-за нерационального использования ресурсов страна скоро останется без материала для строительства военных кораблей. Имперский проект постепенно уступил место более житейским вопросам. Авторы публикаций чаще стал волновать вопрос о тяготах простых обывателей (трудности заготовления лесоматериалов, рост цен на них) в связи «оскудением лесов». Государство же в этой ситуации оказывается на службе общего блага, понимаемого уже в большей степени как счастье каждого подданного, а не величие империи. Чиновничье-административный аппарат, по мнению ряда авторов рассмотренных печатных работ, выступает как гарант сохранения лесов для потомства, обеспечения гармонии в природе и красоты. Такая расстановка приоритетов надолго закрепилась в публикациях по лесному хозяйству. В источниках XIX в. необходимость леса для содержания и

строительства военных кораблей обычно стоит после повседневных хозяйственных нужд.

Обыватели были заинтересованы в сохранении «своего» леса; развитие флота, производства и торговли вело к усилению эксплуатации лесов, поэтому государство стремилось установить контроль над ресурсом или делегировать ответственность собственникам. В процессе увеличения дефицита древесины трудно определить, кто играл ведущую роль – растущее население с его растущими потребностями, промышленники или государство. Под видом казенных подрядов производились заготовки материалов для продажи, государственные предприятия покупали строительные материалы у купцов. Закрепощение ресурса, усиление эксплуатации ущемляло интересы крестьян, вызывая своеобразное стихийное экологическое движение не только ради дров в сарае, но и ради «дорогих сердцу родных березок». Модернизация, связанная с совершенствованием технологий, развитием производства и торговли, установлением прав частной собственности, идеями преобразования природы, вызывала к жизни зачатки экологического мышления, создавала благоприятную почву для становления и развития экофильного дискурса на уровне крестьянского населения.

В Заключении сформулированы выводы исследования. В целом результаты вписываются в имперскую модель модернизации: целью различных новаций была стабилизация и консервация базовых характеристик традиционного общества. В условиях борьбы за лидерство на европейской арене участие в модернизационном процессе стало условием выживания, поэтому отдельные элементы культурной, экономической и политической было необходимо приспособить к меняющимся внешним условиям. Вместе с тем, вызовы времени порождали ответ не только в узких правительственных кругах. Социальную базу экологической модернизации можно характеризовать как широкую, включавшую в себя все социальные слои российского общества.

Изучение правоприменительной практики на основе судебных дел, жалоб и официальной переписки показывает, что и законы, и проекты, и публикации, и инструкции создавали идеальную желательную картину, которая весьма условно соотносилась с жизненными реалиями. Все четыре перечисленных вида источников в комплексе отражают политический и культурный дискурс. В целом культурный дискурс соответствовал политическому, формировался и развивался в зависимости от него.

Анализ правоприменительной практики показывает, что наиболее суровые репрессивные законы были по большей части декларативными, а на практике в подавляющем большинстве случаев при доказанности вины речь шла лишь о размере штрафа. Соответственно, устоявшиеся в историографии оценки порядка, установленного при Петре I, а затем, при Павле I, как хорошо обеспечивавшего охрану лесов за счет суровых законов, а промежуточного периода – как времени либерализации, когда леса практически не охранялись, следует признать ошибочными. Изучение законов в отрыве от правоприменительной практики до сих пор создавало у исследователей ложную картину, основанную на поверхностных впечатлениях.

Проблемы использования и сохранения лесов были новыми для страны и решались посредством:

- разработки законодательства;
- организации и реформирования специальных контролирующих ведомств, назначения и выборов ответственных лиц;
- привлечения ученых, подготовки специалистов;
- картографирования и описания лесов;
- установления и перераспределения прав;
- диалога власти и заинтересованных социальных групп посредством указов и инструкций с одной стороны; проектов, предложений, жалоб, челобитных – с другой стороны;
- издания специальной литературы и обсуждения вопросов лесного хозяйства в периодической печати.

В течение последующих десятилетий средства решения проблем, впервые опробованные в XVIII в., оставались теми же вплоть до настоящего времени. Становление лесного хозяйства является удачным примером того, как запущенный Петром I процесс модернизации «спускался вниз», затрагивая широкие слои населения. В этом отношении может быть оспорен распространенный в историографии тезис о том, что модернизация XVIII в. затронула только высшие правительственные круги. Население быстро ощутило на себе всю остроту проблемы обеспечения качественными материалами на верфях, во-первых, в силу того, что строительство было изначально возложено на кумпанства, и затем оставалось повинностью населения; во-вторых, люди сразу потеряли возможность свободно заготавливать материалы для своих хозяйств. Потребность в качественной древесине стимулировала также процесс становления лесного хозяйства в помещичьих имениях, усиление внимания к вопросам «бережения лесов» в крестьянских общинах, создание благоприятной почвы для распространения идей собственности и рациональной эксплуатации природных ресурсов.

В ходе проведенного исследования показано, что рациональное лесное хозяйство изначально формировалось в связи с нуждами государства и быстро трансформировалось в культурный дискурс. Его развитие стало зависеть не только от царя, его ближайшего окружения и приглашаемых для решения проблем специалистов. Свои соображения высказывали дворяне, промышленники, крестьяне; «лесной вопрос» постепенно превращался в тему широкого обсуждения; инициаторами развития модернизационного процесса становились представители разных социальных групп. Бытовые проблемы в сочетании с традиционно уважительным отношением крестьян к лесам делали «бережение лесов» одним из ходовых речевых оборотов, призванных продемонстрировать лояльность обращающихся к власти или действия власти в интересах населения. Этот словесный оборот использовался вне зависимости от связи предлагавшегося действия, собственно, с сохранением ресурса. Фраза «бережение лесов» встречается и в указах о строительстве кораблей, и в прошениях торговавших древесиной купцов, и в крестьянских челобитных с просьбами ликвидировать лесную стражу, и в законах о государственной

монополии на промыслы. «Бережение лесов» стало составной частью важного для всего XVIII в. понятия «общее благо» и трансформировалось вместе с ним: в начале века под «общим благом» в первую очередь подразумевалась мощь империи; к концу рассматриваемого периода – процветание государства при безбедной и счастливой жизни каждого подданного.

Интенсивность эксплуатации природного ресурса, процессы обезлесения и восстановления лесов не зависели от развития политического или культурного дискурса. В последующие годы также едва ли можно найти примеры, когда вопреки названным явлениям обезлесение прекращалось, благодаря законам, реорганизации органов управления, составлению точных карт и т.д. Трансформации технологий и практик природопользования происходили постепенно; влияние на них законодательства, публикаций и инструкций было очень ограниченным. Технологии XVIII в. еще не допускали быстрых темпов уничтожения лесов. В качестве важнейших аспектов развития технологий выделены:

- технологии заготовления, первичной обработки и хранения древесины (сюда относится распространение и совершенствование пил и пильных мельниц, выработка порядка заготовления и транспортировки материалов, строительство сараев, обсуждение и апробация совершенствования способов хранения и транспортировки);

- технологии лесопосадок и ухода за лесом на корню;

- технологии изучения леса на корню, его учёта и картографирования (появление практики использования научных инструментов, процесс унификации описаний, совершенствования точности карт);

- разработка и апробация технологий менеджмента (появление лесной стражи, поиск путей налаживания ее эффективной работы; специализация труда на лесозаготовках).

Стремление государства способствовать распространению новых технологий вело к различным конфликтам; возникала ситуация, когда рационализация имеет незапланированные последствия и вопреки ожиданиям делает управляемую систему менее эффективной, чем она была изначально. В области лесного хозяйства это проявлялось в истреблении больших территорий лесов в результате работы пильных мельниц; злоупотребления вальдмейстеров; приведении строевого леса в негодность неудачными опытами; изреживании лесов в результате подчисток; интенсификации «вырубок про запас» в результате начала Генерального межевания и др.

Важным результатом исследования стало выявление региональных особенностей и точек модернизационного роста. В качестве последних выделены Среднее Поволжье, Петербург, Прибалтика, Архангельская губерния. Модернизационный потенциал становления каждого из названных регионов не был полностью реализован. Образование точек роста во многом зависело от личностного фактора. С людьми, считавшими налаживание правильного лесного хозяйства важным, связаны центры, где идеи разрабатывались и воплощались в жизнь. «Точками роста» следует признать не Петербург, Ригу, Казань или Архангельск, а Петра I, Ф.Г. Фокеля, М. Зелгера, а также

А.Т. Болотова, А.А. Нартова, П.И. Рычкова, других деятелей Вольного экономического общества и безвестных помещиков, не афишировавших свою деятельность, но проводивших лесопосадки в своих имениях. Там, где были люди, считавшие рационализацию лесного хозяйства важным и необходимым делом, она происходила успешнее. Там, где находились люди, считавшие приоритетом развитие торговли и производства, еще более активно развивались модернизационные процессы, правда, не столь же позитивно сказывавшиеся на состоянии окрестных лесов. Эти процессы были связаны с усилением учёта и эксплуатации, процессами бюрократизации, регламентации. Свою роль в них сыграли В.Н. Татищев, Г.А. Потемкин, В.В. Гом, купцы В.Г. Вулферт, С. Брумберх, Ф. Крамер, Демидовы, Крыловы и др.

Таким образом, среди субъектов модернизационного процесса следует выделить:

- монархов, придворное окружение, некоторых чиновников на местах;
- учёных и просветителей;
- промышленников и торговцев.

Развитие модернизационных начал, в число которых входят обезличение и специализация, зависело от противоречащих им традиционных отношений личного доверия; на них, как правило, основывались назначения на должности ответственных за состояние лесов и предоставление привилегий, результативность обращения к власти или успешность проведения политики на местах.

Установлено, что существенное значение в становлении лесного хозяйства имела деятельность членов Вольного экономического общества. Со второй половины века стали обсуждать невозможность копирования западноевропейского опыта в силу климатических особенностей России, размеров ее территорий, особенностей управления и других причин. Как и в других областях, русские специалисты в области лесного хозяйства, еще недавно учившиеся у европейских коллег, творчески перерабатывали полученный опыт и стремились к дальнейшему развитию науки, технологий и менеджмента. Важнейшими чертами отечественной научной литературы в данной области являются приоритет практического начала, подробные инструкции, большое внимание к описанию биологических особенностей каждого вида. Таким образом, изучение процесса становления лесного хозяйства дает основания говорить о национальной модернизации, отличающейся от вестернизации, когда после усвоения западного опыта запускаются собственные механизмы дальнейшего развития.

Тенденции формирования частной собственности сыграли существенную роль в модернизационном процессе и становлении лесного хозяйства. При обсуждении проблем оскудения лесов одним из распространенных вариантов решения было перераспределение прав. С одной стороны, государство позиционировало себя в качестве носителя рационального начала, а с другой – предполагалось, что по сравнению с чиновниками частные собственники в большей степени заинтересованы в сохранении и приумножении природных богатств, поэтому лучший способ налаживания эффективного лесного

хозяйства – передача прав частным владельцам. С формальной точки зрения помещикам было предоставлено право распоряжаться лесами в своих землях в 1726 г., однако на практике передача прав затянулась на долгие годы. В силу укрепления абсолютизма, несформированности понятия собственности, незавершенности размежевания, инертности поведения людей установление прав частных владельцев нельзя считать свершившимся фактом на протяжении всего рассмотренного периода.

Несмотря на все приложенные усилия, формировавшуюся систему государственной охраны лесов трудно назвать эффективной. Вместе с тем, политический дискурс оказал влияние на трансформацию культурного, а также на изменение повседневных практик. Это выразилось в следующем:

- расширении культурного дискурса и практик, направленных на рационализацию использования ресурса;
- постепенном расширении регулирования природопользования на уровне помещичьих имений и черносочных поселений;
- культурных опытах по инициативе частных лиц;
- трансформации символического значения леса (чуждая человеку среда – средство укрепления престижа страны на мировой арене – элемент «общего блага» как благосостояния каждого подданного империи).

На всех уровнях социальной иерархии прослеживается развитие экофильного дискурса при усилении экофобных тенденций в развитии практик и технологий. Со временем элита продолжала отстраняться от бытовых проблем крестьян, которые тоже осознавали дефицит древесины и нерациональность крупных заготовок как проблему, но на ином уровне и под иным углом зрения. Эти идеи, как и многие другие, в течение последующих десятилетий оставались достоянием интеллигенции, непонятными крестьянскому миру, а потому воспринимались негативно, тем более, когда шли вразрез с традициями природопользования. Такой асинхронный характер был присущ российской модернизации с самого начала, усугублялся с течением времени и привел к социальным катаклизмам.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Лупанова, Е.М. Русский Север – край лесной: эксплуатация и охрана лесов в XVIII веке / Е.М. Лупанова // Россия XXI век. – 2014. – №3. – С. 10–27. (0,95 п.л.)
2. Лупанова, Е.М. Леса Поволжья в правительственной политике XVIII века / Е.М. Лупанова // Россия XXI. – 2014. – №6. – С. 106–123. (0,9 п.л.)
3. Лупанова, Е.М. Вопрос о собственности на леса в целях их сохранения в России XVIII в. / Е.М. Лупанова // Лесной журнал. – 2015. – №2. – С. 170–178. (0,7 п.л.)
4. Лупанова, Е.М. Некоторые аспекты организации и технологий лесного хозяйства в России XVIII в. / Е.М. Лупанова // Лесной журнал. – 2015. – №3. – С. 142–165. (1,8 п.л.)

5. Лупанова, Е.М. Культурные опыты в русском лесном хозяйстве XVIII века / Е.М. Лупанова // Историко-биологические исследования. – 2016. – Т.8. – №2. – С. 68–82. (1,25 п.л.)
6. Лупанова, Е.М. Политика Екатерины II в сфере лесного хозяйства: упразднение контроля ради частного интереса? / Е.М. Лупанова // Россия XXI. – 2016. – №1. – С. 116-145. (1,75 п.л.)
7. Лупанова, Е.М. Проблема дороговизны дров в Петербурге XVIII века / Е.М. Лупанова // Россия XXI. – 2016. – №4. – С. 120–137. (0,85 п.л.)
8. Лупанова, Е.М. Регулирование лесопользования Адмиралтейским ведомством в 1798–1802 годах / Е.М. Лупанова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2016. – №5. – С. 33–45. (0,8 п.л.)
9. Лупанова, Е.М. Лесное хозяйство в помещичьих имениях XVIII в. / Е.М. Лупанова // Историко-биологические исследования. – 2017. – Т.9. – №1. – С. 22–36. (1,2 п.л.)
10. Лупанова, Е.М. Технологии лесопосадок и подчисток в России XVIII в. / Е.М. Лупанова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – №1(58). – С. 196–203. (0,6 п.л.)
11. Лупанова, Е.М. Транспортировка лесоматериалов из Казанской губернии на петербургские верфи в XVIII – первой половине XIX века / Е.М. Лупанова // Наука. Общество. Оборона: электронное издание. – Т. 7. – №4. – 2019. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2019-4-21/article-0217/> (0,5 п.л.)
12. Лупанова, Е.М. «Излишнего рубить не давать...». Российская вальдмейстерская служба XVIII в. / Е.М. Лупанова // Военно-исторический журнал. – 2019. – №9. – С. 47–52. (0,7 п.л.)
13. Лупанова, Е.М. Экономическая политика в сфере эксплуатации лесов в Прибалтике первой половины XVIII в. / Е.М. Лупанова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21. №3(79). – С. 614–625. (1,5 п.л.)
14. Лупанова, Е.М. «При коих та должность стоит, принадлежат до Адмиралтейства...» Форстмейстеры на службе русского парусного флота / Е.М. Лупанова // Военно-исторический журнал. – 2019. – №12. – С. 54–59. (0,7 п.л.)
15. Лупанова, Е.М. «Фелицы слава» или «печальная летопись истреблений»? Лесоохранная политика Екатерины II / Е.М. Лупанова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – №6(63). – С. 83–90. (0,7 п.л.)
16. Лупанова, Е.М. «Муж, имевший все способности быть морским министром, но к несчастью не имевший охоты быть им»: Н.С. Мордвинов на посту министра морских сил Российской Империи / Е.М. Лупанова // Наука. Общество. Оборона: электронное издание. – 2020. – №2(23). – С. 21. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2020-2-23/article-0232/> (0,4 п.л.)

17. Лупанова, Е.М. Формирование рынка пиленых досок в России XVIII в. / Е.М. Лупанова // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – №1. – С. 90–101. (1 п.л.)
18. Лупанова, Е.М. Гужевая транспортировка судостроительной древесины в эпоху парусного флота в России / Е.М. Лупанова // Via in tempore. История. Политология. – 2021. – Т.48. – №3. – С. 653–660. (0,75 п.л.)
19. Лупанова, Е.М. Инструменты научного изучения лесов в России XVIII века / Е.М. Лупанова // Наука. Общество. Оборона: электронное издание. – 2021. – Т. 9. – №2(27) URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2021-2-27/article-0278/> (0,4 п.л.)
20. Лупанова, Е.М. Молевой и плотовой сплав судостроительной древесины в период парусного военного флота в России / Е.М. Лупанова // Наука. Общество. Оборона: электронное издание. – 2022. – №4. – URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2022-4-33/article-0326/> (0,5 п.л.)

Монография:

21. Лупанова, Е.М. История закрепощения природного ресурса. Лесное хозяйство в России 1696–1802 гг. / Е.М. Лупанова. – СПб.: ЕУ СПб., 2017. – ISBN 978-5-94380-230-0. – 261 с.

В других изданиях:

22. Лупанова, Е.М. Проблема охраны лесов в правительственной политике России в 1725–1800 годы / Е.М. Лупанова // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2007. – С. 65–71. (0,5 п.л.)
23. Лупанова, Е.М. «Дабы в потребных ко флоту лесах недостатку происходить не могло». Проблема лесоохраны в Российской правительственной политике XVIII столетия / Е.М. Лупанова // Новый часовой. – 2010. – №19/20. – С. 7–24. (2 п.л.)
24. Лупанова, Е.М. Из истории лесоохраны в России (XVIII век) / Е.М. Лупанова // Северо-Запад в аграрной истории России. 2011. №18. – С. 32–35. (0,3 п.л.)
25. Лупанова, Е.М. Импорт в Россию немецких идей в сфере лесоохраны в XVIII в. / Е.М. Лупанова // Немцы в России. Биографический аспект. XVIII-XX вв. Вып.7 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. – СПб., 2012. – С. 37–45. (0,5 п.л.)
26. Лупанова, Е.М. Технологии лесного хозяйства в России XVIII в. / Е.М. Лупанова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник тезисов докладов участников Третьей международной конференции молодых ученых и специалистов Сіо-2013 / М-во культуры Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив социально-политической истории. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 287–290. (0,2 п.л.)

27. Лупанова, Е.М. Барка / Е.М. Лупанова // Симбирская-Ульяновская флотская энциклопедия. Ульяновск: Марс, 2021. С. 45. (0,05 п.л.)
28. Лупанова, Е.М. Надзор за заготовкой корабельного леса в Среднем Поволжье / Е.М. Лупанова // Симбирская-Ульяновская флотская энциклопедия. Ульяновск: Марс, 2021. С. 214–215. (0,05 п.л.)
29. Lupanova, Ye.M. Forest Protection Policy in Russia, 1762–1796 / Ye.M. Lupanova // Encounters of Sea and Land: The 6th ESEH conference. Turku, Finland, 28 June – 2 July 2011 / Ed. Myllyntaus, Timo et al. – Turku, 2011. – P. 223. (0,1 п.л.)